

С шумом и звоном...

Хочу рассказать читателям журнала «Ваш собеседник» о том, как я потеряла зрение и слух. Надеюсь, мой горький опыт кого-то предостережет от подобных ошибок.

С раннего детства родные заметили, что у меня слабое зрение, но не представляли себе, насколько плохо я вижу. Днем, на свету я играла с ровесниками, как ни в чем не бывало. Но в сумерках и темном помещении теряла ориентацию и нуждалась в помощи. В семь лет пошла в обычную школу в родном Баку, однако проучилась в ней меньше недели. Я не видела классную доску, не разбирала почерк учительницы, хотя читать научилась еще до школы. После долгих раздумий мама отдала меня в школу для слепых и слабовидящих детей.

До 16–17 лет зрение колебалось в пределах 10 сотых – в зависимости от погоды и даже настроения. Очки абсолютно не помогали, разве что контуры предметов становились четче. Но после двух-трех-дневного ношения и это удовольствие пропадало.

Врачи (как бакинские, так и московские) не назначали лечение. Но, чтобы не разочаровывать нас с мамой (поскольку взрослые соседи и мамы подружки всячески внушали, что я смогу лучше видеть), иногда выписывали поддерживающие препараты. Принимала я их без особой охоты. Ведь еще ни один ребенок не получал удовольствия от болезненных уколов и неприятных на вкус лекарств. Назначали мне тогда витамины А, группы В, биостимуляторы и антигистамины – все общеизвестные препараты.

Замечу, что в детстве я часто простужалась, в результате у меня болели уши, как у многих детей. До 12 лет мне вводили много антибиотиков, но после их приема я ни разу не ощущала каких-либо изменений слуха.

В конце 80-х происходили революционные перемены в области офтальмологии. Все средства массовой информации говорили и писали о чудесах Святослава Федорова и Эрнста Мулдашева. Мы – молодые слабовидящие и слепые – уже летали в облаках, мечтая о чудесном исцелении. Некоторые

наши знакомые, действительно, стали лучше видеть после операций в Москве и Уфе.

Велик был и мой соблазн поехать в столицу Союза или хотя бы еще раз обратиться к местным специалистам. Я так и сделала. Как раз пришла пора оформить группу инвалидности. Приговор врача – «этот медицинский бум не для тебя» – прозвучал как гром среди ясного неба. После моих слез, а может, после обнаружения дегенеративных процессов сетчатки мне назначили поддерживающий курс лечения. В шестнадцатилетнем возрасте мне впервые ввели никотиновую кислоту. Через несколько дней после курса лечения я ощутила тихий свист в голове. Врач сослалась на побочный эффект никотинки. По ее словам, звон должен был пройти через несколько дней. Однако он не проходит уже 23 года; более того, усилился многократно.

Несмотря на это, через полгода, уже в Москве мне назначили аналогичный курс с общеизвестными витаминами и никотинкой. К звону добавился шум, переросший сегодня в гул. Правда, в начале 90-х он еще не мешал слышать. С шумом и звоном в голове я проучилась в университете. Первое время, даже сидя за дальней партой, отлично воспринимала лекции. Но уже на последнем курсе в шумном месте вынуждена была напрягать слух, старалась не выходить в коридор на перемене.

Пришлось снова обращаться к врачам. Ведь в молодости всегда стремишься к большему, веришь в успех. Да и родственники, преподаватели и подружки буквально каждый день гнали к офтальмологу: мол, я не должна сидеть сложа руки. И вот мне снова назначают поддерживающий курс. Каждые полгода я пробовала принимать новые лекарства – трентал, кавинтон, ноотропил – все доступные сосудистые. Менялись названия, но после каждого ноотропного препарата я чувствовала ухудшение слуха, а вместе с ним и зрения. Сначала стала терять направление звука, затем напрягалась в транспорте и многолюдных местах. Вскоре уже и родственники заметили мою тугоухость. Зрение же стало заметно падать чуть раньше, по привычной для нас схеме: сужение поля, слияние похожих цветов.

Друзья по переписке, с которыми я делилась своей бедой, прислали материалы о синдроме Ушера, и я сама поставила

себе этот диагноз. Парадокс, но лучшие специалисты бакинских клиник узнали о нем от меня, хотя я до сих пор не уверена в этом диагнозе на все сто процентов.

Личный опыт дает мне право заключить, что в снижении слуха и полной потере у меня зрения виноваты именно сосудорасширяющие препараты. Пока я не принимала их, зрение и слух падали, если так выразиться, по чайной ложке. Возможно, с синдромом Ушера без профилактического курса я бы сохранила приличный слух до 45–50 лет.

Сегодня медицина не доказала вредное воздействие сосудорасширяющих препаратов на зрение и слух. Главное назначение ноотропных как раз и состоит в улучшении кровоснабжения головного мозга и тем самым – в сохранении зрения и слуха. Тогда почему эта группа препаратов вызвала у меня обратное? Почему я всё-таки ослепла и почти оглохла? Почему именно после применения сосудистых происходило столь быстрое и значительное снижение функций органов зрения и слуха?

Могу только строить предположения, исходя из личных наблюдений над собственным организмом. Я родилась с узкими сосудами. Если это явление медицина считает патологией, то для моего организма оно было нормой. Имея узкие (а не зауженные) сосуды, я никогда не испытывала проблем с сердцем, у меня всегда было нормальное (а иногда даже пониженное) артериальное давление. Применив сосудорасширяющие, я, возможно, нарушила естественный приток крови к важным органам чувств.

Никого не призываю отказаться от ангиопротекторов (т. е. сосудорасширяющих препаратов). Каждый организм уникален. Вполне возможно, что кому-то именно сосудистая терапия помогает сохранить зрение или слух. Но прежде чем приступить к их сохранению, следует подумать о том, насколько наш организм нуждается в поддерживающем курсе лечения, насколько наши желания соответствуют потенциалу нервных клеток.

Призываю собратьев по несчастью поделиться через журнал своим опытом. Надеюсь, истории наших заболеваний, использованные нами способы лечения помогут и медикам

найти более эффективные и безопасные средства полного или частичного восстановления зрения и слуха.

Метанет Тагиева,
канд. фил. наук, ст. научный сотрудник
Института языкознания АН Азербайджана

ПО СТРАНАМ И КОНТИНЕНТАМ

Поездка в Швецию

Бывая на сайте международной организации по развитию служб для слепоглухих людей, я узнала, что в шведском городе Лунд состоится конференция по проблемам инвалидов с одновременным нарушением зрения и слуха. Кроме самой информации, были размещены тезисы докладов специалистов из разных стран. Ознакомившись со всеми материалами, я решила принять участие в конференции, хотя из России заявок не было. Мне впервые предстояло поехать одной (наши переводчики из «Ушер-Форума» в это время были заняты и не могли меня сопровождать). Конечно, решиться на такое путешествие в одиночку – непросто, но я уже имела опыт участия в Европейских каникулах слепоглухих и думала, что будет что-то похожее. У меня синдром Ушера, зрение всё же позволяет ориентироваться, а слышу со слуховым аппаратом. Я понимала, что главное – хорошо подготовиться, тщательно изучить маршрут.

Прежде всего, стала переписываться с организаторами конференции, задавала им множество самых разных вопросов. Организаторы оказались людьми очень доброжелательными, терпеливо отвечали, всё объясняли.

По Интернету я заполнила анкету участника конференции, оплатила регистрационный взнос, забронировала одноместный номер в отеле «Скандинавская звезда», где были запланированы семинары и пленарные доклады. Авиабилеты заказала тоже по Интернету. Во всем очень помогли мои подруги.

Мне предстояло лететь самолетом до Копенгагена, оттуда добираться поездом до Лунда и, наконец – автобусом до гостиницы. Все пункты маршрута, а также адрес и телефон